

ПРОСТРАНСТВО И МЕСТО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СУЩЕСТВОВАНИИ

Т.Ю. Денисова

Сургутский государственный университет
ХМАО-Югры

denisovasever86@bk.ru

В статье представлена экзистенциальная проекция соотношения концептов «пространство» и «место». Показано, что именно граница места обнаруживает диалектику отношений человека и пространства, отделяя его от тотальности Целого и одновременно включая в порядок Целого.

Ключевые слова: граница, место, метафизика, пространство, целое и часть.

То, чего нету, умножь на два –
В сумме получишь идею места...

П. Бродский

Категории пространства и времени при всей беспомощности попыток их определений и невнятности результатов («Пространство и время есть формы существования материи») сохраняют статус вечно актуальных вопросов. И это, в общем, понятно. Пространство и время есть основные принципы организации сущего, и, соответственно, их понимание необходимо для выяснения условий существования человека, его места в мироздании, модусов его бытия. Иными словами, прояснение сущности этих вопросов позволяет понять, как *мое отдельное* вписано в Целое, что оно значит для него. Однако, как отмечал И. Кант, это как раз те вопросы, на долю которых выпала «странная судьба»: человек не может ни ответить на них, ни уклониться от их решения, т. е. вопросы метафизические¹.

¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2008. – С. 9.

Известное определение абсолютного пространства, данное И. Ньютоном, хоть и не воспринимается уже как неоспоримая аксиома, продолжает оставаться отправной точкой размышлений о нем. Чаще всего мыслителями отмечаются три основных момента: оно непостижимо гносеологически (И. Кант), неприложимо к физической реальности, или, вернее, не вполне соотносится с ней (В.И. Вернадский), и невыносимо психологически (А.Ф. Лосев).

Первое объясняется несоразмерностью конечного человека и его ограниченного эмпирического опыта с бесконечным пространством. Пространство для И. Канта – лишь «форма всех явлений внешних чувств, т. е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможно для нас чувственное созерцание» (курсив наш – Т.Д.)².

² Там же. – С. 69.

Что есть пространство само по себе, без человека, и есть ли вообще, и, если есть, то какими характеристиками обладает – мы сказать не можем. Мы «имеем полное право сказать, что пространство охватывает все вещи, которые являются нам внешне, но мы не можем утверждать, что оно охватывает все вещи сами по себе, независимо от того, созерцаются они или нет, а также независимо от того, каким субъектом они созерцаются»³.

Гносеологическая беспомощность может сопровождаться метафизическим ужасом, очень эмоционально описанным А.Ф. Лосевым. «Уж лучше могила или баня с пауками, чем однородное и бесконечное ньютоново пространство, – иронично писал он, – и то и другое все-таки интереснее и теплее, и все-таки говорит о чем-то человеческом»⁴. От абсолютного же пространства веет холодом и невероятной скукой. Абсолютное пространство – это пустота, лишенная границ, структуры, порядка (ибо нельзя упорядочить и структурировать бесконечное: структурой и порядком обладает система, а система не может представлять собой бесконечный набор разнообразных элементов), это ничто, хаос, лишь потенциально способный обрести порядок и структуру. Такое пространство чуждо и враждебно человеку, поскольку его невозможно определить, освоить, осмыслить и обустроить.

В юности В.И. Вернадский задавался вопросом о том, что есть пространство и время, связывая его с другой проблемой: одними ли и теми же законами управляются живое и неживое? Ответ его был примерно таким: законы, которыми управля-

ются живое и неживое, разные, но они необходимо дополняют друг друга, одни являются условиями других; их взаимодействие поддерживает константное состояние универсума⁵.

В.И. Вернадский писал, что в мире природы, и особенно человека, нас интересуют другие проявления пространства, помимо его метрических свойств. «С таким абсолютным пространством – пустым, однородным, изотропным – исследователь природы не встречается», – писал он⁶. И время, и пространство интересуют исследователя, прежде всего, как контекст, условие, основание того, что происходит во времени и пространстве. Метафизические вопросы обретают остроту тогда, когда так или иначе касаются проблем, включенных в сферу опыта, вписанных в систему смыслов, того, что очерчено линией горизонта гносеологических усилий, даже если не дано в ощущении.

При том, что в текстах древнегреческих мыслителей (у Аристотеля, Евклида) пространству уделяется большое внимание, признано, что в древнегреческом языке нет прямого эквивалента термину «пространство» («space»). В частности, греки использовали слово τόπος в значении «место»; διάστημα в значении «расстояние», «интервал»; χώρα в значении «земля», «страна», «область» (хотя в современном греческом языке это слово используется в значении «пространство»); σχῆμα, означающее «фигура», «форма», и ἀτόπος в значении «бездместность» или «пустота»⁷.

⁵ Аксенов Г.П. Причина времени. – М.: Изд-во АКИ, 2008. – С. 199.

⁶ Цит. по: Аксенов Г.П. Указ. соч. – С. 171.

⁷ Lacey J. Duane. Geometry without Space: Ancient Greek Mathematical Thought and Contemporary Consequences / Edit. By P. Hanna // An Anthology

³ Кант И. Указ. соч.

⁴ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 31.

Очевидно, что ни одно из них не передает адекватно смысла понятия «пространство», как его понимаем мы, т. е. пространства безграничного. Пространство для грека всегда есть нечто имеющее очерченные пределы. Аристотель, как известно, понимал пространство как актуально конечное, но потенциально обладающее способностью к бесконечному расширению. Пространство для него – сумма вещей, его составляющих. Без этих вещей пространство не существует актуально.

И. Ньютон, чья позиция в отношении пространства остается влиятельной в современной науке, несмотря на открытия квантовой физики и теории относительности, как известно, разделял понятия абсолютного и относительного пространства. Абсолютное пространство для него существует безотносительно к вещам, в него помещающимся, и является всего лишь пассивным вместилищем, всегда одинаковым и неподвижным. Относительное пространство, по Ньютону, «есть его мера или какая-либо ограниченная подвижная часть, которая определяется нашими чувствами по положению его относительно некоторых тел и которое в обыденной жизни принимается за пространство неподвижное...»⁸

М. Хайдеггер, комментируя концепцию Ньютона о физическом пространстве, (в его изложении она звучит так: «Пространство – однородное, ни в одной из мыслимых точек не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая реальность»⁹), отмечает, что пространству, в котором

of Philosophical Studies. – Vol. 5. – Athens Institute for Education and Research, 2011. – P. 71.

⁸ Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: АКИ, 2008. – С. 30–31.

⁹ Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 313.

обитает человек, – пространству художественного произведения, повседневности, нельзя дать подобное определение: они «иначе устроены».

Но как иначе? Это «иначе» проглядывает в оговорке Хайдеггера: он называет пространство реальностью, в то время как для Ньютона это всего лишь «мера» и индифферентное к содержимому «вместилище». Однако реальность пространства физического и реальность его проекции в сферу человеческого восприятия, человеческого существования различны.

Что если человеческое пространство – лишь «субъективно обусловленные, частичные и видоизмененные формы единого объективного космического пространства?» – вопрошает Хайдеггер. Однако, поскольку человеку доступны в опыте как раз именно и только эти самые «субъективно обусловленные, частичные и видоизмененные формы», возникает вопрос, каким образом пространство есть и можно ли ему вообще приписывать какое-то бытие¹⁰.

Говоря о пространстве скульптуры, он дает три различных определения пространства: пространство как вместилище, внутри которого находится объект; пространство, занимаемое объемом объекта; пространство как пустота между объемами. То есть каждый раз это нечто замкнутое, что противоречит не только общепринятому представлению о пространстве как всеобъемлющей и безграничной тотальности, но и утверждению самого мыслителя, который связывает понятие пространства с простором, простиранием, т. е. чем-то открытым, лишенным преград. То есть пространство есть нечто потенциально готовое предоставить человеку вещи, любому материальному объекту – некоторое место. А значит,

¹⁰ Там же.

пространство является всего лишь условием пребывания вещей, их возможности соответствовать своему назначению, взаимодействия между ними и, соответственно, возможности их взаимоупорядочивания, т. е. возникновения порядка и структуры. Пространство есть то, что «впускает», как говорит Хайдеггер, а значит, «простор получает собственное существо от собирающей действительности мест»¹¹.

Следовательно, можно сделать вывод, что именно место обладает реальностью. Вещи не занимают уже готовые, существующие места, они создают эти места. Таким образом, говоря о пространстве человека, мы, в сущности, говорим о его месте.

Нахождение в определенном месте означает как принадлежность пространству, так и отделенность от его тотальности. Пространство дает место объекту, позволяя ему тем самым получить определенность и отдельность, т. е. позволяя ему быть чем-то, а не ничем. Эта мысль вполне согласуется с Аристотелевой концепцией пространства, потенциально бесконечного, но актуально ограниченного существующими вещами.

Суть **места**, несмотря на внешнюю прозрачность концепта, практику обыденного словоупотребления и очевидную телесность, а значит, наглядность и возможность эмпирического постижения, оказывается труднорационализируемой. Место обнаруживается как проблема только тогда, когда возникает ситуация отсутствия ожидаемого (тела, вещи, субъекта) на своем месте либо ощущения случайности или неправомерности оккупации субъектом данного места. М. Хайдеггер отмечал эту способность места, называя ее «характером не-

¹¹ Хайдеггер М. Искусство и пространство // *Время и бытие*. – М.: Республика, 1993. – С. 315.

заметной свойскости». «При необнаружении чего-либо на своем месте область места часто впервые становится отчетливо доступна как таковая» – пишет он¹².

Загадка места как проблемы и метафизической, и экзистенциальной отмечалась уже античными мыслителями: от названия «по имени» и общей формулировки у доократиков до концептуальной разработки метафизики места у Аристотеля и ее проекции в сферу человеческого существования в эллинистической философии. В наиболее общем виде проблема места сформулирована Зеноном в одной из апорий таким образом: «Если место есть нечто, то оно должно где-то находиться. Где же находится место?»¹³ Предельно краткая формулировка вопроса побуждает к размышлению и над другими, логически из него вытекающими.

Чем определяется место вещи, тела, субъекта? Может ли место существовать отдельно от них, т. е. быть пустым? Насколько место принадлежит вещи? Может ли место вещи, тела, субъекта совпадать с ними так, что будет справедливым утверждение «Мое место – это и есть я»? Можно ли находиться в самом себе?

Аристотель, рассуждая о проблеме места в своей «Физике», исходил из следующих тезисов. Во-первых, место существует реально – это то, где находятся существующие предметы (только несуществующие, подобно козлоолению или сфинксу, не находятся нигде). Во-вторых, хотя место не больше и не меньше тела, которое его занимает, все же оно не есть то же самое тело. В-третьих, хотя каждый предмет стремится

¹² Хайдеггер М. *Бытие и время* / пер. с нем. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2006. – С. 104.

¹³ Аристотель. *Физика* // Аристотель. *Сочинения*. В 4 т. Т. 3. / Вст. ст. и прим. И.Д. Рожанского. – М.: Мысль, 1981. – С. 129.

ся к «своему» месту (вверх или вниз, например), все же эта принадлежность места телу относительна, поскольку с гибелью тела место не исчезает, а может быть занято другим телом (так, движение тел, по Аристотелю, есть обмен местами).

Не вполне ясно, чем является место для тела, если, по утверждению Аристотеля, «место не есть ни форма, ни материя, ни протяженность»¹⁴, но вместе с тем «место не есть ни часть, ни устойчивое свойство отдельного предмета, а нечто от него отделимое»¹⁵. Таким образом, получается, что место является умозрительной абстракцией, связывающей физическое пространство и физический объект (для Аристотеля пространство телесно, это всего лишь вместилище мест предметов).

В конечном итоге мыслитель приходит к очень важному выводу о том, что место есть граница тела¹⁶. А это определенным образом решает вопрос о принадлежности места. Оно не является ни принадлежностью пространства в целом, ни принадлежностью тела. Место есть то, что отделяет от Целого и одновременно соединяет с ним. При этом Аристотель не разделяет место вещи и место субъекта. И это, в общем, не вызывает вопросов, так как античность мыслила индивида прежде всего как тело и, следовательно, как нечто заместимое, чему место дано во временное пользование. Греку было незнакомо понимание места не как локализации пребывания, а как неотъемлемой части Я.

Однако в эллинистической философии можно заметить попытку перевода проблемы места из метафизического в экзистенциальное измерение, когда впервые

начинает звучать вопрос о том, насколько мое место мое или насколько место субъекта имманентно его Я? В связи с этим вспоминается известная история о Диогене Синопском, который на вопрос соотечественника «Что ты будешь делать, Диоген, если твоя бочка сломается?» с достоинством ответил: «Меня это не беспокоит. Ведь место, которое я занимаю, не может сломаться»¹⁷. Что понимал Диоген под неотъемлемо присутствующим ему местом? Как вообще связан человек со своим местом?

М. Хайдеггер, следуя греческой традиции, утверждал, что слово «τόπος», которое мы неправильно переводим как «пространство», в действительности означает место, причем такое, которому что-то принадлежит: «...τόπος решает вопрос о бытийной принадлежности ему того или иного сущего...»¹⁸. Если понимать место просто как часть пространства, которой я волею случая владею, можно сетовать на его недостаточность, неудачное расположение, свою неуместность или безместность в пространстве целого. Но если я принадлежу месту (как и времени), нет этого внутреннего экзистенциального конфликта. Я приобщен пространству в целом благодаря своему единственно возможному месту. Я дома в Целом, размещаясь и помещаясь в нем благодаря своему месту. А потому Я не неприкаянный странник, не гость, не завоеватель, находясь внутри пространства на своем месте. Для грека это убеждение было естественным.

Я занимаю определенное место, и это место встривает меня в целое, делая весь

¹⁴ Там же. – С. 132.

¹⁵ Там же. – С. 126.

¹⁶ Там же. – С. 132.

¹⁷ Абуль-Фарадж. Книга занимательных историй / пер. с сирийского А. Белова и Л. Вильскера; ред. и предисл. Н. Пигулевской. – М.-Л.: Худлит, 1961.

¹⁸ Хайдеггер М. Парменид. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – С. 304.

мир моим домом. Место есть то, что связывает единицу, живущую в мире мер, мире измеримого, с неизмеримым. Греки знали, что «повсюду и во всем находятся у себя дома», впервые воспринимая весь мир как «свой», по мысли А.В. Ахутина, не потому, что мир «был ограничен, одомашнен и приручен, как дикий зверь, а, напротив, потому, что человек некоторым образом вырос до самого мира в целом»¹⁹. Древний грек не чувствовал себя сиротой в мире, поскольку его мирознание связывало едино пространство Целого (χῶρος) и Мое-Место (τόπος). Это место действительно не могло «сломаться».

Мысль о принадлежности субъекта месту звучит в одном из библейских текстов:

«Дни человека – как трава;
как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер – и нет его,
и место его уже не узнает его»²⁰.

Таким образом, со смертью человека – существа конечного по определению – его место не исчезает вместе с ним, а лишь пустеет. Оно не может быть занято больше никем и ничем. Ты не можешь потерять место или не найти «свое место»: то, что ты занимаешь, единственно и неотъемлемо твое.

Удивительно, что таков смысл этого псалма только в русском переводе. И в изначальном греческом, и в латинском, и в английском вариантах смысл прямо противоположный. Для сравнения:

1) «...καὶ οὐκ ἐπιγινώσεται ἔτι τὸν τόπον αὐτοῦ» (др.-греч.) – ему неизвестно, где его место;

2) «...et non cognoscet amplius locum suum» (лат.) – и не знает своего места;

¹⁹ Ахутин А.В. Античные начала философии. – СПб.: Наука, 2007. – С. 138.

²⁰ Библия. Ветхий Завет. Псалтирь. Псалом 102, 15–16.

3) «...and he shall know his place no more» (англ.) – он не будет больше знать (не узнает) свое место²¹.

Подобная позиция лежит в основе европейского представления об автономности субъекта по отношению к его месту, которое можно не найти, потерять, выбрать, но в любом случае им можно владеть, завладеть, сделать своим. В случае удачи ты становишься хозяином этого ограниченного фрагмента целого, в случае неудачи – теряешь все. Но и в том и в другом случае удел человека – хайдеггеровская «ностальгия» по Целому, по Иному как подлинному, но потерянному дому. В ностальгии человек не просто желает иметь больше наличного, он стремится стать причастным Целому как изначально своему, вернуть Дом. Но все, что он может, это раздвинуть границы своего места либо переместить свое.

Однако место не может быть понято как простое «где» объекта. Это, как выражается М. Хайдеггер, еще и его «туда» и «сюда»²². То есть место предполагает не просто локализацию объекта в пространстве, но и его функции в пределах целого, связь с другими объектами, их роль в качестве средства друг для друга, а потому представляет собой не только «где» объекта, но и его «для чего».

Место, таким образом, не произвольно, оно принадлежит структуре Целого, причем именно с необходимостью принадлежит, а не просто случайно включено. Невозможность для Диогена утратить свое место («оно не может сломаться») обусловлена не только тем, что одновременно с Диогеном никто и ничто не займет эту часть фи-

²¹ Bible. Psalm 103. Available at: <http://www.newadvent.org/bible/psa102.html>.

²² Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2006. – С. 102.

зического пространства. Диоген *незаместим* как личность в его специфической роли и функции в социальной структуре Афинского полиса. Занимая свое место, субъект не может потерять его, оставить, передать другому. Оно неотъемлемо принадлежит ему и соединяет его с целым.

Как нам представляется, очень созвучна позиции Диогена мысль немецкого теолога и поэта XVII века Ангелуса Силезиуса, нашедшая выразительное воплощение в следующих строках:

Der Orth ist selbst in dir.
Nicht du bist in dem Orth,
Der Orth des ist in dir:
Wirfstu jhn auss,
So steht die Ewigkeit shon hier²³.

Мое место, таким образом, тождественно мне. То есть не Я занимаю (в силу своей телесности) какое-то случайно предоставленное мне место как часть физического пространства или в силу исполнения определенной функции временно занимаю место в социальной структуре, а, напротив, собой и своим местом создаю часть пространства в его полноте и целостности. Подобно тому как аристотелево физическое пространство создается телами, растягивающими его, безликая тотальность целого обретает смысл и структуру благодаря входящим в нее местам.

Мое место, тождественное Я, участвует в бытии целого как необходимый элемент общей структуры (а не просто некое конечное количество, растворенное в бесконечном, не меняющемся ни качественно, ни количественно от прибавления или убавления мест). Безусловно, место опреде-

²³ Место само находится в тебе, / Это не ты находишься в месте, / Но место в тебе, отбрось его – и вот уже вечность. Цит. по: Деррида Ж. Эссе об имени / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 99.

ляет меня, задавая мои качественные характеристики и мои границы, но и я формирую и создаю место, которого не было бы без меня – телом, вещами, идеями, текстами, поступками, коммуникацией с другими. «То место, где я стою, – писал М.М. Пришвин, – единственное, тут я все занимаю, и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего я уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на этом месте ничего для себя не найдут и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял»²⁴.

Хотя степень значимости уникальности разных личностей будет разной – от просто неповторимости психофизиологического индивида до роли конденсатора смыслов и социально-культурной энергии целой эпохи, ни в жизни человека не может быть заместителей, ни в жизни целого одна часть не тождественна другой.

Если мое место структурно формирует целое, а не заполняет временно пустующую часть пространства, какой бы незначительной ни была моя роль в бытии целого, она больше чем ничто.

Литература

Абуль-Фарадж. Книга занимательных историй / пер. с сирийского А. Белова и Л. Вильскера; ред. и предисл. Н. Пигулевской. – М.-Л.: Худлит, 1961. – 294 с.

Аксенов Г.П. Причина времени / Г.П. Аксенов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 304 с.

Аристотель. Физика // Сочинения. В 4 т. Т. 3 / Вст. ст. и прим. И.Д. Рожанского. – М.: Мысль, 1981. – С. 59–262.

Ахутин А.В. Античные начала философии / А.В. Ахутин. – СПб.: Наука, 2007. – 783 с.

Библия. Ветхий Завет. Псалтирь. Псалом 102, 15–16.

²⁴ Пришвин М.М. Незабудки. – Вологда: Вологодское книжн. изд-во, 1960. – С. 137.

Деррида Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 192 с.

Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского, прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // *Философия. Мифология. Культура.* – М.: Политиздат, 1991. – С. 21–186.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии: пер. с лат. / И. Ньютон; под ред. и с предисл. Л.С. Полака. Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 704 с.

Пришвин М.М. Незабудки / М.М. Пришвин. – Вологда: Вологодское книжн. изд-во, 1960. – 343 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.

Хайдеггер М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер; пер. с нем, вст. ст, комментарии и указатели В.В. Бибихина // *Время и бытие.* – М.: Республика, 1993. – С. 312–316.

Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер; пер. с нем. А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 383 с.

Lacey J. Duane. Geometry without Space: Ancient Greek Mathematical Thought and Contemporary Consequences / J. Lacey; Edit. By P. Hanna // *An Anthology of Philosophical Studies.* – Vol. 5. – Athens Institute for Education and Research, 2011. – P. 75–86.

Bible. Psalm 103. Available at: <http://www.newadvent.org/bible/psa102.html>.